

Галина МАРКЕЛОВА

То ли роза, то ли сыть

Май этого года оказался очень тяжёлым даже для меня, уже не первый год живущей в ритме скорбных маршей... Не помню, каким образом наткнулась на сообщение в Интернете, что Лены Миленти уже нет... Ступор, невозможность ни поверить, ни принять, но жесткая реальность в том, что 31 мая надо идти прощаться с Леночкой...

Утром, шатаюсь по цветочному рынку, я нахожу розы, наши, родные, свежие, тёмно-алые, бархатистые, но с чёрным надцветом... Их приоткрытые лепестки напоминают мне Ленины губы, она обычно перед тем, как читать стихи, сотворяла нечто со своим ртом, что, мол, я не виновата в том, что сейчас произойдёт...

Как будто бы уже нужно спешить на прощание, но я не могу уйти, что-то меня удерживает, и вдруг передо мной какая-то старушка разворачивает кулёк с удивительными цветами... Белые зонтики, неприхотливые подзаборные красавицы, возлюбленные пчёл... Их можно встретить везде вплоть до Соловков, они раскрывают свои кружевные зонтики ближе к Троице, у нас же они покрывают склоны и дают необыкновенную ноту морскому ветру... Сыть!.. Пока я ковыляю к дому, где скорбь, в голове стучат строчки: «...То ли роза, то ли сыть, то ли в позу, то ли плыть, плыть взахлёб житейским морем хором призвана сирен, что связали руслу вен тугостью узла морского с легкой песней неземною». Конечно же, я прихожу вприпрыжку, через минуту мы выезжаем на Западное, дорога какая-то странная, заброшенная, старые тополя стоят, как часовые, вдоль дороги, везде бушуют розовые кусты и алые брызги маков. Маки везде... Кровавые пятна... Тут же, у последнего обетования, начинаем читать Ленины стихи, и сама собой созревает мысль, что необходимо делать книгу её стихов...

Этой идеей прониклись Евгений Михайлович Голубовский и Евгений Деменок, и вот к сороковинам уже создана маленькая очаровательная книжечка с необыкновенными фотографиями Виктора Ратушного и с таким точным названием: «На расстоянии шёпота»...

Я читаю её стихи, и перед глазами возникают разные ситуации, в которых мы вместе оказывались.

Вот лет десять, а может, и пятнадцать тому, поздней осенью, мы возвращаемся из ОМК, и там, на Пушкинской и Троицкой, нас останавливает невероятный вид витрин, замызганных, но по которым прошёл лёгкий морозец. Лена останавливается и долго всматривается, так долго, что я оставляю её одну. И вот на странице 9 читаю:

*Отражается в витрине
вереницей длинной, длинной
всё, что движется и мимо,
что летит и то, что зримо —
как забытое кино...*

Елена Миленти

На расстоянии шёпота

И дальше:

*...И витрина примеряет
параллельные миры.
И тогда всё то, что мимо,
что движимо, недвижимо,
в омут призрачный украдкой
погрузится, как в астрал —
он увидит грани кладку
и разгул немых зеркал.*

И тут же рядом, на странице 8, опять стихотворение, рождение которого мне довелось наблюдать...

Летним днём мы возвращаемся из Литмузея... Лену что-то явно мучает. Речь заходит

о мистике и христианстве, о множестве и единстве...

И если чья-то жизнь есть чей-то сон...

*И если параллельные миры
смеются, торжествуют и дробятся,
в них так легко ролями поменяться,
увидеть небо, падая с горы.*

*И если два полёта, две строки
в неведении друг друга бесконечны,
во тьме разлук мятущиеся встречи
иссякнут, параллелям вопреки.*

Состояние, когда можно «увидеть небо, па-

дая с горы», так органично для лирической героини её стихотворений... Она всегда пыталась отыскать неуловимые ощущения, которые сразу-то и не заметишь, как блики от игры драгоценного камня. «Оно (море) толкнуло меня к тебе на расстояние шёпота. Так близко мы никогда не были после» (стр. 61). Она сталкивает мощь вечности и стихии с хрупкостью и незащищённостью человеческих отношений, чтобы прийти к точной формуле женского доверия — «на расстоянии шёпота». А тут ещё одна из формул любви и доверия:

*Просто — руку твою в своей,
Так, чтоб не было щелей сквозных,
Так, чтоб под ложечкой скрип утих,
Расщеплённый током ночей,
Обрывая последнюю нить,
Разрывая сцепление рук,
Я услышу колёс перестук
И зависну на станции «Жить».*

Пронзительные строки о любви, разлуке, смерти, они интонацией мне напомнили стихи Вероники Тушновой, так же пронзительно умевшей говорить о «простых» женских чувствах...

«Постепенный уход от тебя равносильно продлению боли»... (стр. 104),

«...в поцелуе сложи отречения голод и вечную жажду поруки» (стр. 105) —

поэтесса стремится сконцентрировать ощущения, столкнуться слова, объединить понятия, дабы добиться чёткости и достоверности в отображении переживаемого момента...

Можно было бы говорить об удачах и просчётах, о поисках, но... отойти, разъединиться с парящим её образом пока невозможно, такое чувство, что она снова округлит губы и невинным детским голосом возразит: «А разве нельзя?» Снова воспоминания... Прошлым летом мы зашли в летнее кафе после «Зелёной лампы», и Олег Борушко, пытался разбирать Ленины стихи. Тут были тирады и о хоре, и о дактиле. Было очень умно, а Лена то раскрывала глаза, то вздыхала, и это было так по-детски игриво, так очаровательно, что не хотелось прерывать этот спектакль... Да, было в ней это игривое начало, умение превратить ситуацию в сценическую площадку, куда она мастерски всех нас вовлекала... Вот на фото, там, на заброшенной площадке Зелёного театра в парке Шевченко, вдруг Лена засунула голову меж ветвей старой софоры и получился интересный кадр, а вот она на покинутом ботике «ЛЕНА», устремлённая в небеса.

*Я чувствую себя осколком чаши,
что запахом и памятью жива.
И ветер спотыкается всё чаще
О землю, где давно росла трава.*

Счастливого тебе полёта, Лена Миленти!

Памяти Лены Миленти

Ирина Беньковская

Не осталось в запасе кукушечьих нежных ку-ку, лето сбилось со следа. Увели меня в лес умирать; я сижу на суку и дразню людоеда. Упирается память; не хочет со мною во тьму ворох сбивчивых строчек. Хлеб вчерашний крошится — ненужный уже никому Ариаднин клубочек. Всё склевав без остатка, хлопочет тяжёлым крылом полуночная птица. Как вам дома, родные, за сытным вечерним столом — поминальным — сидится? Вот летит он, мой камешек, маленький, словно слеза, в людоедово темя. Озирается, глупый. Сейчас он поднимет глаза — и окончится время.

Владислав Китик

...А из тайн, воссоздающих нас,
Только две вживляют в мир огромный:
Первый крик рожденья мы не помним
И не знаем свой последний час.

Как тебе в заоблачную высь
Подниматься, растворяясь в блеске?

...Не касайся ветром занавески.
Отлетай легко. Прощай. Не снись.

Там, в бесплотном царствии теней,
Есть покой? А боль там ощутима?
Там ли спрятан ключ непостижимо
Третьей тайны, что других важней?

Вечная, она невдалеке.
Мы в миру зовем ее любовью.
Ты не с ней ли там накоротке?
Будешь синей жилкой на виске,
Самородком гальки на песке,
Томиком стихов у изголовья?

Или струнной песней менестреля?
Как там: на неведомом пути?
...Отдохни и снова приходи
Сокровенной тайной колыбели.

Игорь Потоцкий

Она была бабочкой, русалкою, стрекозой,
не умела себя ценить и себя беречь.
Долго пробивалась к истине, самой простой,
при этом стараясь к поискам нас привлечь.

Ее большие глаза всегда источали тепло,
в них, казалось, никогда не проявится грусть.
О стихах она говорила: «Это — не ремесло,
строчки, как человечков, поранить боюсь...»

Она возникала, как молния, на бегу,
исчезала, как весной последний снег.
Мне до сих пор кажется:

Фото Виктора Ратушного

она стоит на углу;
мне до сих пор слышится ее смех.

Больше ее не будет в жизни моей,
но я помню ее доверчивый полувздых:
— Видишь, как ангел, летает сосед-еврей,
слышишь, как жизнью кланется
влюбленный дог?

Прости-прощай. И с замкнутых небес
мне напиши свое стихотворение,
где волн паренье, ласточек смиренность,
приятель-маг, холодный зимний лес.
— Кто ты?
Ответишь:
— Лена.
Солнца луч
лицо твоё вернет мне на мгновенье.
Как много снова набезало туч.
И снова мимолетное виденье,
а волн каскад по-прежнему певуч.

Влада Ильинская

СОЛНЫШКО

в карусели песочных
бесчисленных обещаний
время топчет печь и щекочет тебя клещами,
череду вращений смывает волна прощаний...
и опять качели в парке тебя качают...
и опять качели в парке тебя качают...
и опять тебе пять,

и опять тебе петь и длиться,
и синице в небе другая синица снится,
и смешались в неистовой пляске
машинки багги,
и невидимый кто-то
старательно фиксит баги...
вот еще бы кружок, и еще, и еще, и хватит...
...первый утренний луч
заползает на край кровати
и на тоненькой ниточке
рвется воздушным змеем
я умею делать "солнышко".
я умею...